

«А что сейчас, Господи?»

Священник Андрей Мизюк — о том, как жить, когда
нестерпимо больно

Фото: Михаил Терещенко / ТАСС

17:30, 25 июля 2024,

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Так и у вас: печальны вы теперь, но Я увижу вас снова, и радостью наполнятся сердца ваши, и этой радости вашей уже никто не отнимет у вас.

Евангелие от Иоанна, глава 16, стих 22.

Самая пронзительная, тяжелая, страшная и самая обнадеживающая глава. Много, много раз открывал, перечитывал, обдумывал, снова откладывал. Забывал. А потом открывал и снова лечил себя этими строками. В разные времена, в разных обстоятельствах. Я уже когда-то думал, а теперь уверен, что, наверное, Господь устал от всех этих наших исторических реконструкций, от жизни по памяти, от воспроизведения былого. От отказа от настоящего. От того, что сердце стало дверью, на смерть запертой изнутри, как в ад, в который может войти только Бог, потому что других способов излечиться уже нет.

В мае, почти июне 2022 года, у меня было последнее крещение совсем слабого и крошечного младенца, которое по обычаю совершили в больничных стенах, скорбным скорым чином. Побеседовал и как мог приободрил родителей, долго ожидавших этого ребенка, и совсем скоро уже получил больно промеж лопаток и куда-то в затылок — известие об уходе малыша. И была еще просьба совершить отпевание.

Не мог не согласиться, много лет подряд это было всегда именно так. Крещение, дни ожидания, надежды и боли — и мир, распадающийся на осколки. Медленно, черно-бело, глухо и безнадежно. Так бывало и раньше, когда надо начинать жить с планки «минус», даже не ноль, и жить не самому, а попробовать

что-то сказать о жизни тем, кому смысла в ней уже, казалось бы, и нет. И вот вспоминались, собирались в буквы и смыслы эти слова. Нет, не для несчастных родителей, для себя самого сначала. А оттуда начинались и робкие попытки уже вместе созидательно молчать и думать, как дышать дальше.

Священник Андрей Мизюк. Фото: соцсети

Вот и в тот раз. Внесенный в храм и вынесенный обратно уже в обычную легковую машину маленький гробик, никаких катафалков, автобусов, ничего. А напротив церкви — школа, выпускной или последний звонок... не помню, что там было, только помню, что торжество, пляс, бодрые голоса в ненастроенные микрофоны, репетиция, наверное. И я вышел за ворота, проводил скорбящих, встал и подумал, что тяжело идти. Словно бы навалилось что-то, тяжело так отовсюду, звон в ушах, в голове — и ничего не слышно. Словно бы улетела только что жизнь, и остались камни и эхо от нее. Камни и память. И ничего больше.

А дальше пройдет время, совсем немного, и мои дороги еще раз, уже в последний раз пересекутся с родителями этого малыша. И мы попрощаемся. И на этом моя история этого непростого служения закончится и начнется другая. Но не об этом я сейчас. Не про себя.

Я вдруг опять вспомнил эти слова и подумал. Подумал, что сейчас они очень нужны. Время темное, и пока нигде не брезжит свет. А сил нет. И где брать их? Откуда?

Вот эти слова как-то всегда помогали мне сложить мысли в пазл. Да, это не всегда было чем-то четким, это не было инструкцией, обезболивающим или рецептом от проблем, но ощущением очень нужной тишины. Когда не только складывались буквы в эти слова,

но и начинал звучать голос. Тот, который давал опору, когда все уже поплыло и готово было развалиться на осколки. Так, как если бы я слышал это сам.

Эффект запертой двери. Когда все понимаешь, все видишь, чувствуешь, а поддержки нет, нет утешения, и только темнее и еще злее эта темнота. Почему так? Мы, люди с церковным опытом, читали Евангелие, старались участвовать в Евхаристии, жить Церковью. И сегодня многие из нас словно бы за пределами всего этого. Внешние обстоятельства? Внутренние? Да, и те и другие. Все случившееся за последние годы явило нам фантомность такой жизни. Жизни по привычке. Не думали мы о том, что и христианство со временем стало для нас привычкой? Набором запомнившихся действий. Просто у кого-то этот набор был больше, у кого-то меньше. И да, мы вроде были участниками, частью. Но чего именно?

Воспоминания, теории, коллективного чтения?

Парадокс, но когда пришло время понять, что Слово теперь звучит не со страниц и не из прошлого, а из самого настоящего, когда пришло время для действий, мы приуныли и словно бы потерялись. Потому что, возможно, не поняли, каким может быть действие. А самое первое действие (оно же и самое сложное) — это доверие. Из которого рождается и произойдет все остальное.

Для кого это теперь звучит: «Печальны вы теперь, но Я увижу вас снова»? Примерьте эти слова к себе. Печальны ведь? Да, дальше некуда, выть порой хочется. Не было ли ученикам Его так же плохо? Всего какое-то небольшое время, и все, что было с ними — эти годы, чудеса, проповедь, — все это уйдет в никуда. Христос будет взят, избит, оплеван, а потом распят и умерщвлен. И никто из них не останется рядом, не будет поддерживать Его и вообще что-то делать. Им будет не просто печально — им захочется уйти, спрятаться, убежать, исчезнуть. И большинство так и сделает. Он все это знает и говорит: «Но Я увижу Вас снова». Не рассказывает им, кто и как себя будет вести в этот самый страшный и темный час, а обещает: «Радостью наполнятся сердца ваши, и этой радости вашей уже никто не отнимет у вас».

Важно, насколько я сейчас верю, что эти слова звучат для меня и именно сейчас. Что они стучат и живут в моем сердце. Насколько все эти годы воцерковления и образования помогли мне вообще понять, что меня сейчас видит Он и дает мне это обетование. В страшный и темный час лжи, избиения, клеветы и смерти. В час, когда страдают и умирают слабые и беззащитные люди, когда дети становятся сиротами, а родители теряют детей, когда ярость и ненависть стали топливом не меньшим в цене, чем нефть и газ, и приносят кому-то огромные доходы. Я просто хочу закричать: «Ты где? Почему все так? За что? Как теперь могут наполниться радостью мои душа и

сердце? Сколько этой дороги от Обетования до Встречи, где и как успокоится мое сердце, если сейчас ему нет места даже в моей груди?»

А Он только говорит, что «радости вашей уже никто не отнимет у вас». А что сейчас, Господи? Не потом, когда не отнимут, а сейчас? Как сейчас мне идти и смотреть, как держаться за Тебя и не остаться в темноте со своим неверием, со всеми этими годами теории и сидения над книгами, как быть?

Я задавал себе эти вопросы, когда в те времена, давно, выносил из церкви маленький гробик, выносил сам на руках. И смотрел, как машина с маленьким страдальцем уезжает от церкви и едет туда, далеко... И теперь эти вопросы возвращаются, потому что снова нестерпимо больно.

Но я собираю себя, пытаюсь. И открываю эти слова. И через них приходят ко мне мысли, и я пытаюсь начать дышать. Сложно, правда, но получается. Возможно, это и есть практика? Я не знаю. Я часто не знаю. Я не знал и тогда многого, еще больше не знаю сейчас. Но Он приходит в мою жизнь, когда дыхание сбито, и я не могу взять ни капли воздуха, и сил на это нет. Я начинаю дышать, потому что Кто-то сейчас очень хочет этого и возвращает мне его, это дыхание. В самый страшный и темный час.

Священник **Андрей Мизюк**

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[«Хотя бы отвернись и не смотри!»](#)

Как два года конфликта расчеловечивают участников и наблюдателей. Мнение священника Андрея Мизюка

11:26, 10 июля 2024,

[«Мы живем в библейские времена»](#)

Проповедь священника Андрея Мизюка: как говорить правду, когда она под запретом

16:47, 30 июня 2024,